

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: История Кая и Герды

Дорогие читатели! Этот рассказ написан для конкурса, и в нем переписан старый фильм о новом годе и новогоднем чуде. Я предлагаю вам угадать, какой именно фильм я переименовала по-своему))

По длинным мрачным переходам готического дворца спешила женщина. Стаккато её каблучков эхом отражалось от древних стен, распутивая таившиеся там тени. Внезапно дорогу ей преградил столб золотого света.

— Ты, — незнакомка не удивилась этому явлению. Для женщины она была очень высокой. Правильное, симметричное лицо было слишком бледным, с чуть припухлыми ярко-красными губами и маленьким прямым носом. Но главным в лице прекрасной ведьмы, энергетического вампира высочайшего уровня, Кассандры Маллийской, были, конечно же, глаза. Они привлекали внимание, казалось, видели любого насквозь, все страсти, желания, все тайны человеческой души были открыты для этих светло-голубых равнодушных глаз.

— Я, — так же тихо и спокойно ответил ей мужской голос. Золотое сияние становилось все приглушеннее, обрисовывая мужской силуэт. Высокий и широкоплечий, мужчина протянул руки к женщине. Потом тихо что-то сказал ей.

— В седьмой раз отвечаю — согласна, — улыбнулась та.

Темные коридоры снова залил мягкий золотистый свет. Но ведьма нахмурилась, повела раскрытой ладонью и свет угас.

— Гор, у меня совсем нет времени. Завтра мой день рождения, и нужно столько всего подготовить; — Мужчина только вздохнул, и протянул ей изящный фиал на золотой цепочке, внутри которого переливались багровые блики.

— У меня есть тринадцать сердец, подаренных тобой. Давай остановимся на этом счастливом числе, — улыбнулась Кассандра, любясь отсветами фиала.

— Тебе нужны силы, Кэсси;

— Я справлюсь, Гор, — египетский бог внезапно принял свое настоящее обличье, возвышаясь над хрупкой женской фигуркой почти на два метра. Глаза головы сокола налились непостижимым золотым светом.

— Если бы ты стала моей, у тебя бы отпала нужда в унизительном поиске доноров;

— Я знаю, любимый, — спокойно ответила Кассандра, — но не хочу стать слишком зависимой от тебя;

Медленно и плавно золотое сияние покинуло бога, и перед женщиной снова стоял высокий широкоплечий мужчина.

Та порывисто обняла его, заглянула в ярко-синие глаза:

— Трудно любить ведьму?

— Трудно. Зная, что тебя не любят.

— Любят; — поцелуй заглушил голос Кассандры.

Их поцелуй был столь же горяч, сколь и краток. Не смея больше задерживать любимую, Гор провел по её спине нежным, любящим жестом, и когда она скрылась в темных переходах, открыл небольшой портал и вышел в него.

Оказался он прямым во внутреннем дворике, где едва не сбил с ног юную ведьмочку, помощницу Кассандры.

— Ой, мастре Григорио! Благословенны будьте.

— Буду, Герда, буду. Вашими устами — да мед бы пить, благословенны будьте и вы. Вы так сияете, даже мое старое сердце радуется. Дайте угадаю, вы влюблены?

Девушка потупилась и покраснела. Она понятия не имела об истинной сущности мастре Григорио, считая его просто сильным светлым магом.

— Да! — тихо шепнула ведьмочка, — он! Он замечательный!

— Я рад за вас. Позвольте преподнести вам небольшой подарок, — и Гор протянул ей фиал на золотой цепочке.

— Что это, мастре Григорио? — любясь багровыми бликами, спросила Герда.

— Это сердце. Любящее сердце, — успокаивая испуганную девушку, Гор погладил пышные русые волосы, — Его владелец погиб, защищая любимую. Так пусть его сердце защищает вашу любовь, милая девочка, — и сам надел цепочку на шею юной ведьмочки. Та засияла, кинулась ему на шею и расцеловала мага в обе щеки. После чего они очень тепло попрощались, Герда проложила нежный вихрь своего движения в сторону малой гостиной, а Григорио создал портал и направился по своим делам.

Ни бог, ни юная ведьма не знали, что с балкона за ними наблюдали. Худощавый мужчина зло прищурил глаза, хмыкнул, и пригладил ладонью длинную прядь волос на лысеющем темени. Он скривил узкие губы, развернулся на каблуках и вышел, направляясь в свои покои. Стоило ему войти под своды дворца, как из стены выступило нечто, сливавшееся с ней до этого. Голем был личным слугой темного мага Массакра, что давало тому немалые преимущества. Как никакое иное создание, он мог скрываться среди каменной кладки, что делало его идеальным шпионом в замке. Эта его способность компенсировала даже несусветную глупость существа.

— Следи за ней. Молчи. Мне докладывай.

— Молча докладывать? — озадаченно замер голем.

— Мне докладывай! При мне молчать не надо, идиот!

— Понял. Докладывать не молча, идиот.

— Не повторяй идиот, идиот!

— Не повторять не молча, идиот, идиот, — Массакр раздраженно махнул рукой и голем скрылся.

В малой гостиной Герду окружили друзья — ведьмы и маги, пара приятелей инкубы Убри и Обри, и даже вервольф Марк Туллий, прирученный одной из ведьм.

— Ну, рассказывай, кто он? Где ты его подцепила? Он человек? — посыпались вопросы. Она уселась на диванчик, благодарно приняла бокал красного вина, поднесенный ей молчаливым вервольфом, и начала рассказ.

— Мы познакомились в Белтейн (ночь 30 апреля-1мая, прим. авт.). Помните, я летала к родственникам? И там был праздник. Он маг, светлый и очень сильный. Ой, а знаете, как его зовут? Кай! Эван Кай! — от дружного хохота колыхнулись портьеры и погасло несколько свеч, — и завтра я тоже полечу к нему! — Герда смущенно улыбнулась.

— Я ворожила — там ждет колечко! — одна из ведьмочек сунула ей в руки спутанный клубок ниток.

— Вот и продул ты, дружище, ничего мне не светило! — высокий светловолосый Убри ткнул в плечо приятеля.

— Ну не знаю, это ж Белтейн — все еще может перевернуться. Май — он маятный и есть! — низенький Обри лукаво подмигнул приятелю.

— Ты мне тут не заливай, философ. Гони должок, раз поспорил!

— Убри, я… это… — потупился низенький, смущенно пряча блудливые зеленые глаза.

— Что? Мы ж недавно… Опять на всю свою долю воду в вино превратил?! — розовые от постоянных возлияний щеки Обри покраснели еще сильнее. Но их не слышали — разговор в малой гостиной шел своим чередом.

— Но, Герда, завтра день рождения самой… — Черноволосая Баст красноречиво ткнула пальчиком в потолок, — а ты ведь её помощница.

— Я уже все сделала. Меню — повара уже работают, винная карта прописана. А приглашения разосланы еще до Самхэйна (Хэллоуин, 31 октября-1 ноября, прим. авт.). Осталась только музыка — и я искала лучших из лучших, — она лукаво улыбнулась, — и нашлааа! Вот, смотрите, — она ласково провела пальчиком по экрану своего смартфона и все услышали задорное «Звеньит январьская виюгааа, и ливньи хлесчут упрьюгааа, и звезды мщаться па кругу и гремьять гарадааа!»

— Я боялась, что они к нам не поедут, ведь завтра люди празднуют Новый Год. Но… учитывая, сколько мы платим… — Герда горделиво выпрямилась, — завтра утром я лечу за ними, направлю их сюда, а сама останусь. Эван там будет, а у госпожи я попрошу разрешения встретить новый год с родными.

— Умничка! Этих Ваниллов уболтать — дорогого стоит! — Убри расцеловал девушку в щеки, не обращая внимания на ревнивый взгляд приятеля.

И даже чуткий вервольф не заметил, как на каменной кладке стены проявилось лицо. И сразу исчезло.

Эван Кай сидел в оранжерее и смотрел на экран телефона. Неожиданно сзади ему в шею кто-то фыркнул. Он обернулся и едва не уронил телефон.

— Святые мандаринки! Это что такое?!

— Эксперимент, — легко постукивая копытцами, перед ним прошелся единорог небесно-голубого цвета с фиалковыми глазами, — расчет схемы морфинга мифологического существа. Судя по твоей реакции, удачный.

— Ты меня до инфаркта доведешь своими экспериментами, — но Эван уже успокоился, с любовью глядя на сестру в новом обличье. Ниин, его близняшка, была ровно на пять минут старше Эвана, и именно ей достались способности морфера, благодаря которым она могла перевоплотиться в любое органическое (а при желании и неорганическое) существо. Конечно, с определенным ограничением: его структура должна была оставаться достаточно сложной, чтобы содержать в себе разум. Эван же стал светлым магом. Очень сильным, но только магом.

Единорожка потянулась к брату и взглянула на дисплей телефона. На нем кареглазая русоволосая девушка снова и снова сдувала локон со щеки, забавно морщила нос и улыбалась.

Эван посмотрел на сестру:

— Ну как она тебе?

— Ведьма. Но вроде серенькая. Я её знаю — личная помощница мадам Маллийской.

— Я надеюсь, что она станет светлой.

— Да ну, в таком-то окружении…

— Так я и переманиваю.

— Плохо манишь. Наши девчонки говорят, надо…

— Ой, ваших девчонок слушать — сам в темные пешком пойдешь!

— И пойдешь — ради любимой!

— Слышь, ты мне ваши блестяльки-то не впаривай, а! Иди вообще, тебя в стойле заждались, единорожица.

— От мага слышу! Между прочим, так изменить схему морфинга — маг не сподобится.

Парень примирительно поднял руки.

— Согласен. Идеальный расчет и мифологическое существо из тебя идеальное, — он еще раз взглянул на gifку, и спрятал телефон.

— Эвааан… А у вас уже… было?

— Что было?

— Ну, это…

— Я вот тебе сейчас покажу, что было, а чего не было! — взвизгнув, Ниин умчалась, а Эван снова уселся, задумчиво обрывая лепестки орхидеи.

Он вспомнил прошлый Белтейн (ночь 30 апр. — 1 мая, прим авт.), когда увидел на празднике русоволосую хохотушку. Танец, второй. Его мучила странная робость, а она улыбалась одними глазами. И долгий разговор, когда обоим казалось, что они знакомы целую вечность. Прогулка под яркими майскими звездами. Он сжимал в большой ладони её миниатюрные пальчики, словно не веря самому себе, украдкой разглядывал курносый носик и непослушный локон, все время падающий на щеку. Она сдувала его, забавно морща нос. И рассвет, встреченный на мосту. Пряча её от утренней прохлады, он обнял хрупкие плечи — и поразился, насколько знакомым и родным оказался этот жест.

Потом были смс-ки — тысячи и тысячи.

«Доброе утро, котенок!» — «Не хочу вставать, не хочуу!» — «А я поцелую!» — «Люблю тебя»

Слово «люблю» они повторяли сотни раз за день — и каждый раз оно казалось новым…

Короткие встречи, нежные поцелуи, её робость и застенчивость — все это складывалось в картину, ложилось мазками, бликами, капельками счастья.

Их встреча, в Самхэйн. Его родители тогда устроили бал, приглашены были почти все известные маги.

Герда вбежала в зал возбужденная, разруганная. Волосы растрепал ветер, она радостно пританцовывала.

— Я победила! Гонки на метлах — и я первая пришла к финишу! — она запрыгала вокруг Эвана, смеясь.

— Я видел. Я же болел за тебя, котенок, — обняв её, он нежно поцеловал курносый нос, — хочешь шампанского?

— Да. И присесть, где потише, — она поднесла к губам бокал, но не стала пить, задумчиво

глядя куда-то.

— Любимая, а может быть?; ну их всех? Пойдем ко мне? — девушка посмотрела ему в глаза, улыбнулась, отстраненно и нежно.

— Пойдем, — Герда встала, и он увел её, и с каждым шагом шум бала отдалялся, наконец, дверь его комнаты закрылась, оставляя их наедине.

Эван смотрел на девушку — яркий грим и платье с откровенным декольте сделали её старше и даже немного чужой. Наверное, именно это помогло ему решиться — он поцеловал её в губы, потом в шею. Герда прижалась к нему, ответила на поцелуй, и не отстранилась, когда пальцы юноши нащупали молнию платья. Ярко-красный шелк с тихим шелестом скользнул вниз, оставляя девушку в нижнем белье, чулках и туфельках. Он подхватил её на руки, бережно усадил на постель, а сам опустился на колени рядом. Снял одну туфельку, стилизованную под старомодный башмачок, и поразился — она была такая маленькая, что уместилась у него на ладони. Стягивая чулки, он покрывал поцелуями нежную кожу бедер и круглые колени девушки, иногда поглядывая на неё снизу вверх. Герда сидела, упершись кулачками в простыни, внимательно и слегка напряженно всматриваясь в лицо Эвана. А тот выпрямился, взял её за руку и поцеловал нежную ладонь, ощутив запах незнакомых тропических цветов.

Осторожно расстегнув замочек лифчика, он высвободил её груди, и руки юноши казались единственно возможнымместищем этих прохладных белоснежных округлостей с торчащими темными ягодками набухших сосков. Он не хотел сдерживаться — и, дрожа от волнения, припал губами к дразнящей вишенке. Он почувствовал, как прервалось дыхание Герды и её сердце пропустило удар. Эван встал, не отводя глаз от девушки, расстегнул рубашку, давно уже душившую его. Словно слыша его мысли, Герда молча, не разрывая зрительный контакт, легла на спину, неловко прикрыв руками груди.

— Какая ты красивая?; — Он вбирал глазами её всю — волосы, рассыпавшиеся по подушке, глаза, почти черные от возбуждения и страха, её маленькое хрупкое тело, жемчужно белевшее в полумраке комнаты. Он лег рядом, навис над ней и гладил, ласкал языком её шелковую кожу, целовал закрытые глаза, узкий подбородок, нежную шею, спускаясь все ниже. Провел языком влажную дорожку от одного соска к другому, слегка прикусил нежную ягодку. Легкими поцелуями покрыл шелковистую кожу живота, обвел кончиком языка впадинку пупка?;

Дыхание девушки становилось все более прерывистым, она начала тихонько постанывать.

Когда Эван потянул вниз паутинку трусиков, она слегка вздрогнула, но приподняла бедра, помогая ему. Он залюбовался сомкнутыми губками её девственного бутона, коснулся их пальцем. Герда прерывисто вздохнула и сжала кулачками простыню.

Парень начал ласкать языком розовые складки, чутко прислушиваясь к состоянию любимой, ловя каждый вдох и тихий стон. Он нашел крохотную упругую бусинку, прикосновение к которой вызывало наиболее громкие стоны, и теперь упоенно дразнил её, слизывая нежные соки. Герда ахала, стонала, извивалась — и это доставляло юноше наслаждение. Каким-то невероятным чутьем он понял, что она на грани, и усилил ласки. Тело девушки беспомощно

выгнулось от удовольствия, она издала низкий горловой стон — в этот момент Эван осторожно ввел палец в девственное лоно. Прорвал нежную преграду внутри — Герда только ахнула, и расслабленно опустилась на простыни, часто дыша, а парень уже снова ласкал языком её бутон, и теперь к сокам любви примешивался солоноватый вкус крови.

Хотя все его естество требовало продолжения — он не спешил, давая отдышаться любимой после первого оргазма. Она была прекрасна, с разметавшимися волосами, румяными щеками и блестящими глазами;

Потом был самый полный и сладкий акт любви, который Эван когда-либо мог себе представить.

И сейчас, сидя в оранжерее, он улыбался, вспоминая, как в душе Герда стыдливо прикрывалась руками, а он настоял на своем и сам вымыл её промежность от крови и собственной спермы.

И как после, она раскрепостилась, и села верхом — без просьбы, сама, а он любовался точеным телом девушки и прелестным личиком с закушенной от удовольствия губой. И вспоминал, как она уснула в его объятиях, зацелованная до мизинцев крошечных ступней, а он не мог спать, замирая от нежности, и боясь признаться самому себе в ощущении невероятного счастья;

От сладких воспоминаний его отвлек смех Ниин, которая сейчас носилась по дому в поисках елочных украшений. Эван встал, осмотрел себя и поспешил в свою комнату — могла позвонить Герда, и он хотел поговорить с ней, не боясь быть подслушанным.

В покоях Кассандры Маллийской царил холод. Это были не огрехи отопления, а её реакция на слова Массакра, да и вообще на его присутствие.

— Ваша помощница не скрывает, что собирается улететь сегодня, и провести завтрашний день и ночь с любовником.

— Я разрешила ей, поскольку её работа выполнена, и присутствие Герды мне не требуется.

— Но;

— А её личная жизнь никого не касается! — с нажимом произнесла женщина.

— А я думаю, все же вас она касается, напрямую, — Массакр встал и прошелся по комнате, — она призналась, что её любовник — сильный светлый маг.

— И что? Это её выбор;

— Да, но выбрала-то она мастре Григорию.

Кассандра прищурилась:

— С чего вы взяли?

— Вы сами в этом можете убедиться — он подарил ей фиал с живым сердцем, — глаза женщины расширились, она вскочила.

— Пакость какая! Пакость! — в мгновение ока по комнате словно прошел ураган. На стенах выступила изморозь, портьеры застыли, замороженные насквозь, виски Массакра и длинную прядь на его плечи выбелил иней. Перепуганный маг сгорбился и юркнул за дверь.

Он прокрался несколько шагов по коридору, затем выпрямился. Достал платок, брезгливо вытер капли с висков и пригладил прядь волос на темени.

— Да здравствует сплетня! — насвистывая легкомысленный мотивчик, он шел в свои покои, когда встретил Герду.

— Очаровательница! Надеюсь, у вас еще не все танцы на завтрашнем балу расписаны? Я настаиваю на туре вальса! — словно желая поправить непослушный локон, он коснулся щеки девушки. Та возмущенно сверкнула глазами и отстранилась.

— Вынуждена вас разочаровать, мастре Массакр. Меня не будет на завтрашнем балу, придется вам вальсировать с кем-то другим.

— Это я вынужден вас разочаровать, прелестница. Вы личная помощница нашей госпожи, и будете находиться при ней неотлучно.

— В таком случае, я все равно не смогу вальсировать с вами, мастре Массакр. Благословенны будьте, — Герда насмешливо поклонилась и упорхнула в комнаты Кассандры. Массакр же поджал узкие губы.

— Это мы еще посмотрим, очаровательница. Это мы еще посмотрим.

Герда не могла поверить, но ледяной тон Маллийской не оставлял сомнений — та требовала, чтобы девушка присутствовала на балу.

— Там будут представители Восточных заклинателей, маги из Западного конклава, наши сестры из Европейских и Восточно-Европейских ковенов. Каждый разговор должен быть застенографирован, ни одно слово не должно пропасть. Для этого мне потребуется ваше присутствие.

— Но мадам, с этим лучше справится Баст, она знает стенографию, и память у неё эйдетическая.

— Возможно. Но делать это будете вы.

— Но поймите, меня же ждут!

— Подождут.

— Вы не можете меня заставить! Я все равно полечу! — в отчаянии, Герда схватила фиал, словно пытаясь найти помощь в нем.

— Нет, вы издеваетесь! — Маллийская вскочила, глядя потемневшими от гнева глазами на перепуганную девушку, — Никуда ты не полетишь!

— Полечу! Полечу-полечу-полечу! — вытирая слезы, крикнула в ответ Герда.

— Никуда ты не полетишь, девчонка! Никуда ты не полетишь, девчонка! — ноги девушки подкосились, она упала в кресло и закрыла лицо руками, в тщетной попытке защититься. Сквозь пелену слез, верховная ведьма казалась ей огромной паучиной, опутывающей её скользкими нитями. Герда потеряла сознание, а Кассандра уже рассматривала её душу. Чистую и огромную, искренне любящую. Древний голод требовал поглотить эту душу сразу и без остатка, но вампирша сдержалась.

— Зачем давиться тем, что можно от души посмаковать? Что тут у нас? Любовь. Вот с этого я и начну, пожалуй. Ни к чему она тебе, девчонка! — только Кассандре была видна темно-красная нить, протянутая от её сердца к сердцу юной ведьмы. Вампирша потянула ноздрями — на её щеках выступил румянец, глаза заблестели.

Кассандра привела Герду в чувство, помогла ей встать. Лицо юной ведьмы было бледным, но глаза блестели.

— О, простите, мадам. Должно быть, я перенервничала и немного устала за время

подготовки.

— Да, вероятно. Это бывает. Это пройдет.

— Я буду рядом с вами в этот важный день, мадам, — девушка открыла дверь, но чуть запнулась на пороге.

— Еще раз простите. Благословенны будьте.

— И ты. Это бывает. Это пройдет, — глядя на закрывающуюся дверь, жестко произнесла Кассандра Маллийская.

Когда Герда вернулась в малую гостиную, там было довольно тихо. Молодые ведьмы оживленно шушукались, теребя старинный манускрипт, вервольф задумчиво наигрывал на рояле какой-то блюз. Девушка оглядела компанию и уже хотела уйти, но её заметили.

— Герда! Ну как? Что сказала мадам?

— Что мне сказала госпожа верховная, глава нашего ковена — никого не касается! — раздраженно бросила Герда, глядя на примолкших подруг, — Если вам больше не о чем почесать языки — найдите себе занятие!

В этот момент вбежал Убри.

— Герда, от музыкантов сообщение пришло. Завтра вы встретитесь в ресторане клуба «13», пообедаете, и я заказал два лимузина. Один повезет их сюда, а второй тебя, с ветерком к жениху, — радостно улыбаясь, он протянул ей распечатки переговоров и соглашений.

— О чем вы? Я никуда не еду. И никакого жениха у меня нет, — исподлобья взглянула на инкуба юная ведьма, — раз заказали лимузин — вы их и встретите. И доставите сюда.

— Но Герда, они же все обсуждали с тобой. Со мной они не захотят даже разговаривать! — изумленный Убри молча смотрел в глаза Герды, машинально комкая листы бумаги.

— А это уже ваша проблема! — та встала и вышла, громко хлопнув дверью. Все присутствующие молча переглядывались, пытаясь понять, что произошло только что.

В гостиную влетел Обри, ведя за собой существо в чалме, шароварах и с голым торсом, которое сразу кинулось к камину.

— Вот, нашел. Он в наших переходах заблудился.

— Это еще что такое?

— Я не что, я кто. Али-Баши-Ассалям-ибн-Кирдык, — немного отогревшись, полуголый меднокожий гость выпрямился, скрестил руки на груди и надменно уставился на присутствующих.

— Я знаю! Это ифрит. Огненный дух. Только что он делает здесь, да еще зимой? — одна из ведьм протянула горделивому Ибн-Кирдыку теплый плед.

— Я не ифрит, милая пери, я джинн. Прислан нашим хозяином, ханом Кергуду-ибн-Адурахманом-Зия-Бия-Бей, да продлит Аллах дни его бесконечно, в подарок вашей ханум Кассианре ко дню её чествования.

— Джинн, значит. Ладно, джинн, сиди тихо пока, грейся. А вот что с Гердой произошло? Вы хоть что-нибудь поняли?

— А что тут понимать-то? — пожала плечами одна из ведьмочек, — бросил её Кай этот самый, позвонил и сказал, что всё, «завяли помидоры нашей любви». Я про него слышала — молодой, но один из сильных. И семья древняя — у них морферы в родне. Зачем ему эта мышь? Ты мне лучше вот что скажи, Али-Баши. Раз ты джинн — лампа твоя где?

— Э нет, слишком уж просто. Да и Герда не такая, не стала бы она так на людей кидаться, — задумчиво почесал подбородок Убри, а джинн величаво поклонился.

— Лампу мою доставили к дверям покоев вашей ханум. Чтобы она дверь открыла — вах, что такое? Цветы, фрукты, благовония. И лампа золотая. Она возьмет её, удивится — вайме, красота! А тут я. Прекрасную пери поздравляю; — и он разразился было по-восточному витиеватой речью, пересыпанной пожеланиями продлить дни, превзойти красотой луну и солнце и так далее, но его невежливо перебили.

— Так значит, она видела лампу твою? Когда, у неё же только что Герда была.

— Нет, не видела она, да продлит Аллах её дни. Я сидел в лампе, ждал, речь репетировал — и вдруг, ай, что такое? Шум, гам, холодно стало, как на дне морском! Я выбрался, гляжу — дверь вся снегом укрыта, фрукты-цветы льдом покрылись, благовония не дымят.

Открывается дверь — выходит дэвушка, красотой цветку подобна. А за ней ханум ваша. Улыбааетсяаа;

— Что?! — насторожился Убри, — Там была Герда и холодно вдруг стало?

— До Герды там Масскар был, — неожиданно подал голос вервольф.

— Вот черт плешивый! Точно, что-то там накрутил — он же Герде проходу не дает. Но как она могла — Кассандра же умница!

— Она, в первую очередь, женщина! — поднял палец Обри.

Не слушая их, завернутый в плед джинн тихонько выскользнул за дверь, надеясь найти свою лампу и отсидеться там до более благоприятного момента.

— Эй, Ибн-Кирдык, стооой! — за ним выскочил Убри, желая помочь и отвести бедолагу в какое-нибудь тихое место. Но тот понял по-своему — запахнул поплотнее плед и улепетнул, оглядываясь и бормоча восточные проклятия странным людям, живущим в таком неуютном холодном климате.

Эван метался по дому в странной тревоге. Телефон Герды был выключен, никаких ответов на обращения по интернету тоже не было. Он чувствовал, что что-то произошло, но не мог понять, откуда это ощущение беды. Ведь встретиться они должны были только завтра, однако уже сейчас сердце громко подсказывало ему, что Герде нужна помощь.

Блямкнул телефон, оповещая об смс-ке, парень торопливо открыл её.

«Не приедет, донор, клуб 13, через 10 минут» — что за чушь? Он посмотрел на подошедшую Ниин, та пожала плечами.

— Надо ехать — я чувствую, это о Герде.

— Ниин, что значит — донор?

— Мне бы очень хотелось, чтобы это был Т9, или просто глупая шутка. Но дело в том, что мадам Маллийская — вампир.

— Ты думаешь;

— Я думаю, что тебе надо шевелить коленками. В клубе наверняка можно что-то узнать, — он схватил куртку и выскочил на улицу. Такси подошло мгновенно, и через назначенные 10 минут Эван уже топтался у входа в клуб 13. Его мало интересовали подобные развлечения, поэтому он никогда не был в этом пафосном модном месте, и сейчас недоуменно разглядывал огромную очередь у входа, не имея представления, как войти внутрь.

Его внимание привлек черный лимузин, из которого вывалилась шумная компания. Очередь завизжала, этих странно одетых людей беспрепятственно пропустили внутрь. Эван уже задумался, а не попытаться ли изобразить одного из этой компашки, как его тронули за плечо:

— Эван Кай? — человек в строгом костюме сделал приглашающий жест в сторону открытой дверцы. — Прошу.

— Но#8230; — у водителя был странный остановившийся взгляд, и парень понял, что человек находится под сильным магическим воздействием. Поэтому не стал спорить и сел в машину.

На одном из сидений просторного салона лежала электрогитара, очевидно, забытая предыдущими пассажирами. Плавное движение автомобиля и темнота за окнами сморили его, он и сам не заметил, как крепко уснул.

Разбудил его холод. Эван открыл глаза и уставился на открытую дверцу автомобиля, не понимая, где находится. Он вышел из машины, прихватив зачем-то гитару — водитель сразу захлопнул дверцу, нырнул на свое место и укатил. К Эвану подошли двое, высокий и низенький, в которых, присмотревшись, он опознал инкубов.

— Милости просим, мастре Кай, благословенны будьте, — начал было низенький, но высокий подхватил парня под руку и потянул в низкую дверь.

— Стойте-ка! Куда это вы его потащили? — Эван обернулся и увидел Ниин во всем великолепии единорожьей красоты. Оба инкуба согнулись в почтительном поклоне.

— Госпожа морфер! Какая честь для нас! Мы приглашаем вас и вашего#8230; в общем, приглашаем.

— А ты откуда тут взялась?!

— Портал настроила, пошли уже!

— Какой еще портал? — но его уже тянули внутрь.

— Эй, хватит! — Эван уперся на пороге небольшой кухни, но его втянули внутрь, да еще и Ниин поддала сзади, поэтому очень быстро все четверо оказались за столом, накрытым к чаю. Точнее трое, Ниин с видом оскорбленной невинности обзревала чашки, слишком узкие для её мордочки. Низенький инкуб с поклоном налил ей чаю в широкую супницу, метнулся куда-то и притащил целое блюдо пряников.

— А теперь объясняйте, зачем вы нас сюда вытащили, где Герда и что произошло. Иначе, я пойду напрямиком к вашей этой#8230; Маллийской.

— А вот этого делать не надо. Она не просто ведьма, причем верховная, она — сильнейший на данный момент энергетический вампир. Герда уже сходила — теперь её спасать надо, — веско сказал высокий инкуб.

— Значит, она действительно сделала её донором? Но за что?

— Не за что, а почему. Потому что могла. А еще потому, что ошиблась. А теперь запомни — Кассандра тянет из Герды любовь, как самое сильное чувство. Поэтому Герда тебя не помнит. Разорвать эту их связь почти невозможно, чем сильнее Герда любит, тем сильнее связь, тем больше вытянет из неё Кассандра.

— Так что же делать?

— Ты должен поцеловать её.

— Маллийскую?

— Упаси тебя святая Вальпурга от этого! Она мстит весьма изощренным способом. Не думаю, что смерть от гипотермии пениса тебе понравится, — услышав это, Эван подавил смешок, но его очень чувствительно толкнули копытом.

В крохотную кухоньку внезапно влетела чернявая смуглая ведьмочка.

— Убри, Обри, вот вы где! Там какие-то люди, шумят, ругаются, говорят, что музыканты. Ой!
— увидев Ниин, она прикрыла рот ладошкой, почему-то поклонилась и так же быстро выбежала вон.

— Баст, Баст; Убежала, — Убри встал, почесал в затылке. — Кажется, я опять что-то перепутал;

— Пошли, разберемся! — воинственно подскочил его приятель.

— Мы с вами. Если это люди — мне легче будет исправить ошибку. — Эван тоже встал, спокойно глядя на инкубов.

— Да кто против-то? Пошли. Нет, не туда — здесь тайный ход есть, — с этими словами Убри направился было сквозь стену, но Обри остановил его.

— Э, а я?

— Всю жизнь ты на мне ездешь! — высокий пригнулся, второй инкуб оседлал его, и оба скрылись в стене.

— Хм; Вечно у этих темных какие-то загвоздки. Вот нет чтобы просто, по-человечески; — Эван и Ниин, переговариваясь, скрылись в том же направлении.

А на каменной кладке стены обозначилось лицо. Потом голем вышел весь, обнюхал стол, стукнул по нему на всякий случай.

— Омерзительно! — прихватил пряник и снова исчез.

А возле главной лестницы уже разгорался нешуточный спор. Несколько людей весьма странной наружности азартно спорили с ведьмами. Их напор сдерживало только молчаливое присутствие Марка Туллия — связываться с вервольфом почему-то никто не хотел. Но когда появились оба инкуба, а потом еще и Эван с Ниин — все сначала примолкли, после чего спор стал еще более ожесточенным.

— Да вот он, это он у нас лемо и увел! Ваще мутный какой-то! — покручивая барабанные палочки между пальцев, пробасил высоченный парень, татуированный так, что выражение его лица прочесть было невозможно.

— Он не мутный, он светлый! — выскочила вперед Ниин. — Маг, между прочим!

— Светлый-то светлый, а инструменту ноги приделал, — солист злобно зыркнул на Эвана бельмами глаз с вертикальными зрачками.

— Слушай, Убри, а мож ты их; того; — Обри многозначительно подмигнул другу.

— Какое «того»?! Я инкуб! А они все мужеска полу, если ты не заметил, — возмущенно воззрился на него Убри с высоты своего роста.

— Ну инкуб. Никто ж не говорит, что не инкуб. И никто не говорит, что; — лапища Убри вовремя прервала мыслизлияния приятеля.

— Подождите! — закричала Ниин, ненавязчиво демонстрируя острый рог солисту. — Помогите нам. Надо спеть, а кто, как не вы, сделает это лучше?

— Я не пою, — солист надменно выпрямился и скрестил на груди руки. — Другие поют, — его губы, обильно намаженные черным, скривились. — А я… ВЫСТУПАЮ.

— Ну так я спою, — опрометчиво сунулась было Ниин, за что получила полный презрения взгляд сквозь искусственные бельма, и попятилась. — Ладно, ладно, я не настаиваю. Если хоть бек-вокалисткой возьмете, мистер… — она направила на солиста самый невинный взгляд. В этой обители тьмы только Эван знал, как опасен прямой подчиняющий взгляд морфера-единорога. Остальные просто уставились в фиалковые глаза нежно-голубого создания с длинной белокурой гривой и перламутровым рогом. Уже через несколько секунд солист слегка изогнул черные губы.

— Менсон. Мерилин Менсон.

— Прошу вас проследовать в зал, скоро начнется праздник, — церемонно произнесла черноволосая ведьма. — Возможно, вам нужно порепетировать?

— Мы не репетируем. А вот аппаратуру настроить надо, — все так же надменно солист позволил себя увести, за ним потянулись остальные.

Только Эван замер, потому что на самой вершине длинной лестницы увидел Герду. Она стояла, опираясь на перила, бледная, какая-то уставшая, и равнодушно смотрела на него. К ней подошел странный человек в темном костюме и туфлях на каблуках, что-то сказал девушке, та покорно взяла его под руку и оба удалились.

В шею Эвана тепло фыркнули.

— Пойдем. Не в себе она, — Ниин толкнула брата плечом.

— Вижу. Но мне надо только её поцеловать, и все пройдет!

— Для этого надо к ней подойти. Идем.

Они направились в сторону, куда увели музыкантов, но очень быстро заблудились. Пару раз в темных коридорах они натыкались на странное существо, завернутое в клетчатый плед. Оно громко восклицало «Ну кто так строит! Кто так строит!» и со стонами скрывалось в закоулках. Но все же, Эван и его сестра нашли зал — правда, проблуждали чуть не два часа.

Там уже собрались гости, Эван оглядывался, ища глазами Герду, но той не было…

В этот момент в зал вошла Кассандра Маллийская. Верховная ведьма, глава ковена, была прекрасна. Так может быть прекрасна змея, среди высокой травы, медленная и смертельно опасная. Так может быть прекрасен клинок — за секунду до того, как пронзит чье-то сердце. За её спиной стояла Герда — в алом шелковом платье, и Эван закрипел зубами — цвет наряда в точности повторял цвет платья Герды в ту их ночь, в Самхэйн. Он даже не сразу почувал, как из него пытаются тянуть силы — но Ниин неожиданно прижалась к нему, и наваждение исчезло. Губы ведьмы изогнулись в улыбке:

— Эван Кай! Рада вас приветствовать здесь. Тем более, что мне известно — конклав светлых магов ответил отказом на приглашение.

— Я… — «не думаю, что это вежливо» тревожно по-суфлерски кто-то шепнул ему в ухо. Эван кашлянул и продолжил. — Я не думаю, что вежливо отвечать отказом на приглашение столь знатной особы. И столь красивой женщины, — он поклонился, и уже хотел поцеловать ей руку, как кто-то снова шепнул «не вздумай прикасаться к ней!» пришлось закончить

поклон витиеватым реверансом, старательно делая вид, что не заметил протянутой руки.

— Я думаю, мы с вами потанцуем, — хищно улыбнулась Маллийская, взмахом руки давая знак музыкантам.

Черногубый Мерилин затянул было заунывно:

— Свит дримс ар мейд оф зис,

Ху эм ай ту дисагрии? — но его бесцеремонно прервали. На сцену выскочила Ниин, и все замерли — само присутствие голубого единорога было впечатляющим. Неведомым образом она умудрилась отключить звук микрофона солиста, и заставить играть другую мелодию.

— Я объявляю Танго! Дамы приглашают кавалеров, кавалеры приглашают дам! — завораживающей метелицей полетел мотив, а Ниин запела.

— Дас ист дер Паризьер Танго, мусьё,

Ганс Париз танц дизен танго, мусьё! — Эван знал, что у его сестры отличные вокальные данные. Но что она вознамерится перепеть авиньонского соловья, да еще с таким жутким акцентом — не ожидал даже он. Гости оживились — некоторые уже прижались друг к другу в жарком танце страсти. И только Кассандра стояла, злобно щуря глаза. А за её спиной стояла Герда, стояла и смотрела на Эвана, не замечая, что её дергает за руку тот плешивый коротышка, повторяя «Очаровательница! Очаровательница!»

Герда шагнула навстречу Эвану, но Маллийская рявкнула:

— Стой!

— Иди милая, иди. Сейчас моё время, — пробасил странный человек с накладной бородой. Эван схватил Герду за руку и закружил в танце, а Кассандра уставилась на бородача.

— Вы кто?

— Дед Мороз! — язвительно ответил тот, глядя на танцующих.

А Ниин продолжала голосить:

— Танго, паризьер танго,

— Ихь шёнке дир, мейн херц, байм танго, — подчиняясь её голосу, пары кружились, Эван все сильнее прижимал к себе любимую. И наконец — их губы встретились, поцелуй закружил голову парню, он прижимал к себе тоненькую фигурку и исступленно целовал холодные губы, пока они не дрогнули и не потептели. Карие глаза распахнулись, Герда удивленно посмотрела на Эвана.

— Откуда ты здесь?

— Пришел вот.

— Я люблю тебя! — эти слова вырвались парком из губ девушки. Музыка смолкла, все замерли, глядя, как изморозь покрывает стены, как нарастают сосульки на потолке, грозя обрушиться ледяными кинжалами; Эван взял Герду за руку, грея замерзшие пальчики, и громко объявил:

— Это моя невеста!

— А это — моя невеста! — бородач властно прижал к себе Кассандру, которая вырывалась, шепча:

— Уйдите! Вы подарили ей сердце! — и с каждым звуком её голоса все больше нарастал

ледяной панцирь, все громче скрипел лед, грозя обрушиться.

— Не свое! Потому что моё сердце давно принадлежит тебе! — и тоже поцеловал её, под бой часов, которые отсчитывали последние секунды уходящего года.

В зал забрела странная фигура в клетчатом пледе.

— Людиии… Людии! — к нему подскочила Ниин.

— Слушай, ты ж ифрит?

— Я джинн!

— О! тебя-то нам и надо!

— Вайме, как холодно, как плохо, кто так строит, а?

— Тихо. Раз ты джинн — выполни желание.

— Тры. Больше не магу, замерз я. Тры желания, милая пери-лошадка.

— Тогда — сделай всем тепло. И праздник. Столы накрой, и ёлку!

— Елку накрыть? Это я не умею.

— Елку поставить надо, и украсить. Вот так, — Ниин копытцем нарисовала на снегу новогоднюю елку. Как смогла.

— Сдэлаю, все сдэлаю, милая пери-лошадка. Тры секунд сдэлаю!

Первое, что почувствовали люди в зале — блаженное тепло. Они перестали жаться друг к другу, оглянулись — зал изменился. Вместо ледяных узоров — жаркие золотые завитки украсили стены зала, и пряные запахи восточной кухни заставили раздуться ноздри.

Стол был огромным. По-восточному роскошным. И по-восточному же — был накрыт на полу. Никого это не смутило, однако. И все радовались теплу, веселью, наряженной ёлке, поздравляли влюбленных.

И никто не обратил внимания, что ёлка парила прозрачным силуэтом над празднующими, словно нарисованная ребенком. Или копытцем.